

Бахит

Кариебаева

доктор филологических наук

ПИСАТЕЛЬ ЗАПАХА ПОЛЫНИ

Тридцать лет пролетели, как один день. И снова в моих руках заветная книга в строгой черной обложке, в стилистике многотомного советского издания Владимира Набокова. Добротная полиграфия, лаконичное художественное оформление и прекрасный перевод на русский язык Г. Садовникова. Это сборник прозы казахского писателя Саина Муратбекова «На вершине Ушкара», изданный в 1982 году в Москве. Тираж по сегодняшним меркам для казахской литературы заоблачный: 50,000 экземпляров.

Этот том – безусловная культурная ценность, замечательный образец тонкой чуткой литературы, которая еще ждет своего вдумчивого читателя. Памятный автограф с обращением ко мне как к «критику-сестренке». И дата под подписью автора: 26.04.86. Это только сейчас, спустя 30 лет, я осознаю это удивительное совпадение дат. В ночь на 26 апреля 1986 года взорвался ядерный реактор на Чернобыльской атомной станции. Эта была катастрофа мирового масштаба, апокалипсис советской цивилизации, который юридически оформился в 1991 году распадом огромной страны.

А еще чернобыль, чернобыльщик – другое название полыни, запахом которой было пропитано пальто отца Аяна из рассказа Саина Муратбекова «Запах полыни». Вдыхая горький запах полыни, мальчик Аян тоскует по отцу, ушедшему на фронт. Полынь это древний символ тоски по далекой утраченной родине, воспетый поэтом Аполлоном Майковым в стихотворении «Емшан». «Ему ты песен наших спой, когда ж на песнь не отзовется, свяжи в пучок емшан степной и дай ему и он вернется». Священный запах полыни навеки остался в книгах Саина Муратбекова в память о духовном мире ушедшего от нас писателя.

Я, в самом деле, тогда была младшей сестренкой Саина по литературе. А он, маститый прозаик и ответственный служащий, на правах старшего брата морально поддерживал меня на трудном поприще литературной критики. Помню, как на мое искреннее неприятие образа девушки Чинары из рассказа «На вершине Ушкара» он отвечал очень тактично и сдержанно, проявляя подлинную интеллигентность.

Дело в том, что мне не нравился этот образ, как бросающий тень на исконно казахские традиции в нравственном аспекте поведения молодых девушек. Вот как легкомысленно ведет себя молоденькая Чинара по отношению к Асету, взрослому женатому мужчине и молодому кандидату наук, приехавшему в аул из города.

«После танцев снова уселись за стол, снова начались тосты, но Асету хотелось увести отсюда Чинару, побродить с ней по ночной улице. Он не знал, как это сделать, и боялся, что она не пойдет, вдобавок высмеет своим острым язычком, и красней тогда от конфуза.

Наконец, он решился и, когда глаза их встретились, указал взглядом на дверь. Чинара подняла брови, раздумывая, потом опустила глаза, и Асет понял, что она согласна. Они вышли поодиночке: он первым, она немного погодя, Асет прихватил пальто, Чинара – свой плащик. Он подождал девушку, прячась в тени за углом. Она появилась следом и сразу же нашла его. По ее тихому смеху он догадался, что она немножко захмелела».

Однажды в своем служебном кабинете Саин внимательно слушал мой монолог, воспринимая меня скорее как своего преданного читателя, а не как взыскательного критика. По-свойски вошел писатель Рамазан Тохтаров и заговорил о каком-то срочном вопросе. Саин остановил его тихим знаком, чтобы не прервать мою речь и не упустить какую-то важную для него мысль. Проводив меня до дверей, Саин дружески поприветствовал ожидавшего в коридоре Рамазана, будто увидел его заново.

В Алма-Ате цветет май 1985 года. Пахнущий свежей краской Дом ученых на улице Курмангазы. В новеньком здании проходит какая-то международная конференция на тему экологической катастрофы Аральского моря. Активно выступают известные казахстанские писатели. В то время на такие мероприятия ходили как на праздник.

В зале было не протолкнуться, люди заполнили собой даже коридоры. Я пришла заранее и села на удобное место. Но в какой-то момент мне стало трудно дышать от токсичного запаха свежей краски и от духоты. Я вышла из душного зала в коридор, где заметила одиноко стоявшего Саина Муратбекова. В тихом уголке он внимательно слушал очередное выступление.

Проходя мимо, я вежливо поприветствовала его. А он остановил меня со словами: «Я прочел твою книгу. Она мала по объему, но весома по содержанию». Он имел в виду мою первую книгу, вышедшую в издательстве «Жалын» в 1984 году. Это были очерки под названием «Поиск безымянного» о жизни и творчестве казахского писателя Мукана Иманжанова. Малоформатная книжка в 112 страниц и тиражом 2000 экземпляров.

Я была лишь начинающим литератором и обычным доцентом филологического факультета в Карагандинском государственном университете. А Саин Муратбеков был уже именитым писателем, общественным деятелем, директором издательства «Жазушы». В его поступке и словах чувствовалось духовное благородство писателей золотого века русской литературы. И такого благородства Саина не хватает сегодня.

В знаковом рассказе Саина «Стужа» главный герой Данеш побеждает своего заклятого врага Кайрака самоотверженным благородством души и жертвенным прощением, приводящим в финале к покаянию соперника. Данеш и Кайрак – молодые жители одного аула, с молоком матери впитавшие ненависть друг к другу. Эту ненависть они унаследовали от своих прадедов и отцов. Вот как это описано в рассказе:

«Их поединок тянется с тех пор, как они помнят друг друга. Родились они в один и тот же год и росли вместе, как жеребята одногодки. В одном табунке бе-

гали, играли и дрались. И все эти годы копят по капельке яд друг против друга, словно те пестрые змейки, что ползают среди полыни. Размером змейка с палец джигита, но от укуса ее нет никакого спасения. Бывалые люди говорят, что набирает свой яд эта змейка все лето, капелька по капельке, капелька по капельке. Так вот и они.

А начали вражду прадеды, и что они не поделили в этом просторном мире, неизвестно ни Кайраку, ни Данешу... Так канули в вечность отцы, оставив им в наследство свою вражду».

Рассказ начинается с того, что заведующий фермой посылает Кайрака и Данеша на дальнее угодье за стогом сена. Дорога за сеном была трудная, лютая стужа и снежная степь. Но оба джигита были в «отличном настроении, горячая кровь играла, бурлила в их жилах», они «не знали, куда деть буйную силушку». И вот в пути Кайрак и Данеш цепляются друг к другу по мелочам, бросаются обидными шутками и намеками. Так их опасная шутивая игра перерастает в схватку на вилах. Лишь на краю кровопролития что-то остановило, испугало их. Они поспешили примириться.

Но дух врожденной ненависти не дал им спокойно закончить порученное дело. Кайрак в шутку пнул ногой шапку Данеша, упавшую на землю. Шапка перелетела стог и покатила в овраг. Все это было поводом для веселья Кайрака. Однако такое безумное веселье медленно и неумолимо перерастает в трагедию. После долгой мучительной болезни Данеш умирает. Но даже перед смертью он не раскрывает тайну своей болезни, прощая своего врага Кайрака. Никто в ауле так и не узнает, что же произошло между ними в ту страшную стужу. Весенним днем Кайрак случайно оказывается у могилы Данеша. На могиле «ему стало совестно перед самим собой за свою неискренность, так стыдно, хоть впору провалиться сквозь землю. Кайрак потрогал щеки. Они горели от стыда, как свежее клеймо... Он понял сейчас, что Данеш все-таки победил». Искупительная жертва привела к запоздалому покаянию и прозрению.

Такую же беспочвенную враждебность мы видим в рассказе Саина «Кусен-Кусеке». Главный герой в нем – прилежный чабан Кусен, бывший фронтовик, заботливый муж и отец семерых детей. Между ним и чабаном другой фермы Тургали вспыхивает резкая словесная перепалка из-за места на колхозном пастбище. Если Кусен – мягкий по характеру человек, то Тургали слывет «сумасбродом и забиякой». «От кого-то он слышал, что Тургали сидел в тюрьме за свой буйный характер. Будто бы избил одного человека и за это попал в тюрьму».

Кровожадность и ненависть во взаимоотношениях героев, вероятно, проистекают из древнего казахского обычая барымты – угона скота, постоянных набегов враждебных племен, межплеменных и межродовых распрей. Но в противовес извечному желанию отобрать, награбить, накопить главным в характере героя выступает стремление поделиться с людьми своими ценностями: духовными и материальными.

Чабан Кусен окончательно решает для себя: «Да ну их, машины, красивые дома. С голода мы не помрем, значит, и сетовать нечего. Зато я угощал людей, и они меня угощали. А что еще важнее этого? Пожалуй, нет ничего важнее».

Такое же скромное благородство и забота о ближнем были присущи Саину Муратбекову. Я вспоминаю, как в 1991 году получила от него памятный для меня подарок. В ранге второго секретаря Союза писателей Казахской ССР Саин выслал

на имя ректора Карагандинского университета приглашение на мое имя. Союз писателей тогда организовал два крупных мероприятия. Первое – юбилей писателей Мукана Иманжанова и Баубека Булкышева в известном историческом месте Улытау. Второе – дни поэта Магжана Жумабаева в его родном крае Кызылжар.

С разрешающей визой ректора на приглашении Саина я стала участницей этих двух литературных событий, которые наполнили мою жизнь безграничным счастьем. Я расцениваю это приглашение как поддержку литературы, а не лично меня. Не будь этого, я никогда бы не смогла посетить Сасыкколь, родные места уникального поэта Магжана. Этот поступок Саина я приравниваю к глубинному замыслу «Антиквария» Вальтера Скотта.

Три июньских дня 1991 года, с 28 по 30 июня, проведенные в Улытау в обществе Саина Муратбекова, навечно отпечатались в моей памяти. Вот как это все было. Из Караганды самолетом я добралась до города Джебказган. Нас встретили в аэропорту и повезли в живописное местечко Кумисбулак, и к ночи на машине доехали до поселка Улытау. Нужно отметить особенную историческую значимость этого края.

С древних времен горы Улытау были политическим и духовным центром казахского народа. Это сакральное место насквозь пропитано историей, легендами и событиями. Улытау хранит в памяти великие события, связанные с эмиром Темирланом и полководцем Едыге. Здесь издревле поднимали на белой кошме избранных ханов, так провозглашая их власть. Именно в Улытау основал свою ставку старший сын Чингисхана Жошы хан, получивший от верховного правителя Монгольской империи власть над территорией современного Казахстана. После загадочной смерти Жошы хана похоронили рядом с местом его же ставки. Там стоит сегодня его мавзолей – квадратное здание из красного кирпича, с голубым куполом и аркой.

В Улытау сохранился памятник архитектуры X-XI веков мавзолей Алаша-хана, легендарного первого казахского хана, стоявшего у истоков всего казахского народа. Поклявшись убить хана Тохтамыш, эмир Темирлан оставил в 1391 году свой знак на камне горы Алтыншоқы. В Улытау много наскальных рисунков, петроглифов, курганов, некрополей и мавзолеев. Улытау исстари был центром казахской государственности и духовности.

И вот в таком уникальном месте 28-30 июня 1991 года прошло литературное мероприятие Союза писателей КазССР, посвященное писателям Мукану Иманжанову и Баубеку Балкышеву. Для меня оно было особенно ценным как для автора очерков «Поиск безымянного» о жизни и творчестве Мукана Иманжанова, изданных в 1984 году. В те дни у подножия Улытау собрались лучшие представители творческой элиты республики. Саин Муратбеков, прочувствовав величие момента, тогда заявил: «Сегодня здесь собрались вместе властители дум казахского народа».

Нам посчастливилось в те дни встретить караван, который добрался до Улытау со стороны Шелкового пути. Посчастливилось, потому что мы не знали точной даты прибытия каравана. А это был настоящий караван с товарами, все как в древние времена. Мы все радостно встретили этот караван, радовались так же, как это делали наши предки сотни лет назад.

Но уникальным было не только место, но и время этого мероприятия. Ведь все шло к распаду огромной страны и к независимости Казахстана. Совсем скоро,

21 августа 1991 года, в Москве разразится знаменитый путч, приведший затем к экономическому краху и социальной катастрофе. Но мы, писатели Казахской ССР, тогда в Улытау об этом даже не догадывались, не подозревали, что СССР подошел к самому краю пропасти. Мы были очарованы красивой природой, к нам внезапно вернулась память о великих событиях древней казахской истории, мы были поглощены общением друг с другом.

Но как тысячелетия истории неумолимо подходят к логическому концу, так подошли к финалу и те праздничные дни, насыщенные красноречивыми речами лучших мастеров казахского художественного слова. Я помню, как сидела за столом подобно нахохлившейся сове, с широко открытыми глазами, внимая каждому слову моих старших коллег.

Последний день мы провели в открытой степи на джайляу Былкылдак. Когда же к ночи мы собрались в обратный путь, неожиданно выяснилось любопытное обстоятельство. Шофер нашей «Волги» не устоял перед соблазнами застолья и оказался, мягко говоря, не в лучшей физической форме. Тогда Саин сел впереди рядом с шофером и взял управление машиной на себя. Мы, притихшие, сидели втроем на заднем сидении и гадали, чем может закончиться наше ночное приключение.

Захмелевший шофер машинально давил на педаль газа, а Саин, неустанно спрашивая его о направлении, отважно вел черную «Волгу» по ночной ухабистой степи. Вел фактически вслепую, по указаниям сидевшего рядом штурмана. Все-таки мы преодолели эти злосчастные двадцать километров и оказались в ауле народного акына Иманжана Жылкайдарова. Саин тогда вытер пот со лба и облегченно выдохнул: «У-ф! Наконец-то, мы добрались!»

Какой же символичной была та поездка по степи! Наша черная «Волга» лишилась трезвого водителя так же, как огромная страна вдруг в одночасье потеряла разумное управление. Но писатель Саин Муратбеков взял управление нашими судьбами на себя и нашел верный путь в ночной бездорожной степи. Чутье писателя не изменяло ему никогда. Как герой его рассказа «Запах полыни» мальчик Аян по запаху полыни вспоминал отца, так Саин по запаху полыни вспоминал путь на родину. И, наверное, Саин Муратбеков был последним казахским писателем, пропитанным запахом полыни.

Эстетические устремления казахского писателя тесно связаны с художественными традициями Великой степи. Этой тонкой путеводной нити следовал замечательный поэт Магжан Жумабаев. Она почти прервалась в казахской поэзии с уходом поэта Ильяса Жансугурова, но была подхвачена и продолжена в творчестве Саина Муратбекова. Знаменитый рассказ «Запах полыни» о мальчишке Аяне, «пахнущем» полыню, запах которой напоминает об отце, являет собой подлинную поэзию в прозаическом тексте. Автор же рассказа, по сути, и есть мальчик Аян, грезящий во время войны в сказках собственного сочинения.

Саин Муратбеков родился в 1936 году в селе Конур Талды-Курганской области Казахстана. Отец был на фронтах Второй мировой войны, мать рано ушла из жизни, и маленького Саина воспитывал дед. Точно также детство его героя Аяна пришлось на трудные военные годы. «Мое далекое полузабытое детство... И все-таки я отлично помню этого мальчишка в ссохшейся шубейке песочного цвета, худенького и хромого. Иногда закроешь глаза и видишь, точно наяву: по аулу мчится буйная ватага мальчишек, а позади всех бежит он, волоча большую

ногу и стараясь не отстать. И все же отстает, и я опять слышу его голос: «Эй, вы, да подождите же! Пойдемте со мной, у меня есть сказка. Вот увидите, она интересней вчерашней!».

В свое время именитый критик Мухамеджан Каратаев благословил начинающего писателя С.Муратбекова, по достоинству оценив его лирическую прозу. А ведь Каратаев на пушечный выстрел не подпускал к себе так называемых «новаторов» в литературе, отстаивая позиции социалистического реализма. Не просто было заслужить его признание.

Саин Муратбеков был настоящим самородком в литературе, он продолжил славные традиции реализма, заложенные Мухтаром Ауэзовым. Поэт, журналист Леонид Скалковский заметил как-то: «...Мухтар Ауэзов ни разу не сказал о социалистическом реализме, поскольку реализм в искусстве не может быть капиталистическим или социалистическим. Его размышления были доказательны и предостерегли от поспешного бытописательства. Он учил не называть вещи или явления, а изображать, показывать их в объеме, тогда и многословия не надо достаточно точных и емких образов».

В 1960-е годы в русской советской литературе ясно обозначилась тенденция лиризации прозы и популярным становится жанр «рассказа-настроения». Лирическая проза – это прозаический вид лиро-эпического жанра, когда во главу угла автор ставит чувства лирического героя. Автор сосредоточен на психологическом плане, передаче внутреннего состояния персонажа. В лирической прозе вместо сюжетной цепочки на первый план выходят чувства, настроения, непосредственность переживаемого и сиюминутность изображаемого события. Главное – не сюжет, а опосредованное наблюдение «событий души» лирического героя. Такой прозе присущи повышенная эмоциональность, тематическая и временная многоплановость, почти сближающие ее с кинематографическим искусством.

В рассказе Саина Муратбекова «Осенние извилистые дороги» на первом плане лирическая ситуация, сиюминутное впечатление от драматического события. Шестнадцатилетний Канатай делает себе на руку татуировку с именем своего отца, погибшего на войне. Между тем, сам юноша родился в 1947 году. В финале герой узнает от своей матери горькую правду: его настоящий отец – хромой Шинтемир.

В лиричности и емкости художественной прозы Саин Муратбеков продолжает стилистические традиции Чехова. Так же он создает глубокие образы и ситуации из малозаметных художественных деталей. Кроме того, финал рассказа «Осенние извилистые дороги» отсылает читателя к известному рассказу Шолохова «Судьба человека». Только там мальчик страстно верит, что неизвестный шофер и есть его настоящий отец, а Канатай, наоборот, отказывается признать своего живого отца Шынтемира: «Мой папа погиб на войне, мама!»

В 1960-1980-е годы в России оформилось и благодатно развивается направление деревенской прозы с его корифеями в лице Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина и др. Художники поднимали проблемы русской деревни, сложной жизни русского крестьянства. События в произведениях «деревенщиков» протекали в драматический период, когда русская деревня фактически была разрушена Октябрьской революцией, раскулачиванием и принудительной коллективизацией. Место патриархальной русской деревни прочно заняли совхозы и колхозы.

Деревенская проза продолжила традиции русской литературы XIX века, явилась ее логическим продолжением, темы народной жизни, национальных традиций, жизни деревни, судеб крестьянства и в целом народа нашли отражение у писателей второй половины века двадцатого.

Видимо, можно отнести творчество Саина Муратбекова к направлению «деревенской прозы». Но здесь есть национальная специфика: казахи все-таки больше жили аулами, а не в деревнях. Аул – это определенное сообщество, община людей, которые могут передвигаться, кочевать для выпаса скота. Деревня же представляет собой стационарное поселение крестьян, занятых в основном земледелием. Поэтому вернее будет назвать прозу Саина Муратбекова «аульной». Он действительно много описывает жизнь рядовых казахов в аулах, а не в городе. Но, в отличие от угасающей русской деревни эпохи «раскрестьянивания», у Саина Муратбекова создание колхозов изображено с положительной стороны, как совпавшее с традициями казахской общинности. В прозе художника образы природы отражают мифологизированное архаичное сознание. Это наблюдается даже в статистике: в сборнике «На вершине Ушкара» из 12 произведений восемь имеют «природные» названия. «Дикая яблоня», «У теплого родника», «Осенние извилистые дороги», «Пороша», «Стужа», «На вершине Ушкара», «Дорога туда и обратно», «Некий».

Литературовед Павел Ульяшов в своей статье «Песенная душа» пишет о символизме и мистицизме повести «Дикая яблоня» следующее: «Читатель, познакомившийся с рассказами С.Муратбекова, по достоинству отметит и оценит такие качества его прозы, как реалистичность и психологизм. Дважды появился в «Дикой яблоне» символический образ черной собаки Караканшык, предвещающей трагические события, но ее появление никак не нарушит реалистичности повествования о горьком военном детстве героя. В конце концов, вся эта история о Караканшык – скорее из области детской фантазии или народных суеверий, чем сознательно избранный прием из богатого и модного ныне арсенала условных форм».

Повесть «Дикая яблоня» наполнена глубоко символическими образами черной собаки, духа медведя, дикой яблони и ее плодов. Образ черной собаки Караканшык является в повести стержневым: этим образом произведение открывается и им же завершается. Так, он дан в завязке повести: «На окраине аула нас встречала одинокая и тоже дикая яблоня. Но ее яблоки были крупнее лесных и не такие кислые. Они дразняще покачивались на ветвях, а самые спелые, упавшие, манили с земли, поблескивая литыми боками, но мы обходили дерево стороной, старались держаться от него подальше. Потому что в норе, между его корнями, обитало страшное и загадочное существо – бездомная черная сука Караканшык со своими щенятами».

О нем же автор пишет в финале повести: «И как уверяет Колбай, точно в этот момент из ночной черноты донеслось грозное рычание, и на середину тока одним гигантским скачком вылетела огромная черная собака. Бандиты поспешно удалили лошадей и помчались прочь, захватив то, что успели бросить на подводы. А собака стояла над телом Багилы и лаяла вслед ее убийцам. «Я сразу узнал ее, Караканшык, – говорил глухой Колбай. – Эх, подоспей она чуть пораньше!»

Символический план образа собаки имеет глубинные корни. Огромный мифический пес Цербер стерег вход в подземный мир, охраняя мир умерших. Тюрки

провозглашают своим тотемом и прародителем волка. Ромул и Рем, основатели Рима, были вскормлены волчицей. В повести «Дикая яблоня» собака Караканшык символически выполняет две функции. Во-первых, она охраняет берлогу под яблоней, в которой раньше жил «царь медведей». Эту берлогу можно сравнить с миром умерших. Во-вторых, Караканшык охраняет от аульных детей яблоки, как символ зла и грехопадения.

Обратимся и к другим символическим образам повести «Дикая яблоня»: «Места, где мы живем, издавна славилась яблоневыми лесами, и потому-то, что тут видимо-невидимо диких яблонь, наш аул так и называют Яблоневым. А до того, как здесь осели наши прадеды и деды, в лесах пиршествовали медведи, большие любители дичков. Самые древние старики и сейчас называют эти яблони медвежьими. А в ту пору, говорила моя бабушка, тот, кому хотелось полакомиться лесными плодами, приезжал в лес на коне и рвал яблоки, не слезая с седла. И когда появлялся косолапый хозяин, охотник до дичков, не мешкая, трогал коня и уносился с тем, что успевал набрать. Медведь же бросал вслед воришке тяжелые камни, ревел, негодуя. На его крик сбегались медведи со всей округи и тоже возмущенно кричали: «Это безобразие! Да какое имеют люди право рвать наши яблоки?! Ну, погодите, мы вас накажем!».

Но к нашим временам все медведи исчезли. Одних перебили, другие сами ушли в далекие тихие места. А после них под одинокой яблоней осталась эта большая берлога, в которой, по словам бабушки, жил сам медвежий царь. Старую яблоню, могучую, в два обхвата, еще долго считали заколдованной. Проезжая мимо нее, путник старался задобрить дух царя медведей, привязывал к ветвям красную ленту или вешал монету. И сообразительный дух понимал, что от него хотят, и никого не трогал».

Само название аула Яблоневого в повести Саина Муратбекова имеет прямое отношение к названию города Алматы. Алматы переводится с казахского как Яблоневоый. В советское время название города звучало как Алма-Ата, дед Яблок.

И здесь начинается увлекательная игра слов: слово «яблоко» звучит на казахском как «алма». По-итальянски, «яблоко» это «мэла». В латинском языке «мала» – «зло», отсюда библейский символ яблока как грехопадения. В итальянском языке «мала вита» означает преступную жизнь. Кроме того, по-казахски «алма» также означает «не бери». Слово «бер» по-казахски означает «дай».

Но «бер» в исконном русском языке – это «медведь», отсюда древнее слово «берлога» как логово бера. Город Берлин также имеет в названии «бер» – «медведь». А ведь в повести «Дикая яблоня» речь идет о войне СССР с гитлеровской Германией, столицей которой был город Берлин.

В мифах российских народов нанайцев и ульчей есть дух хозяина тайги в виде огромного медведя. У древних германцев и скандинавов медведь был спутником богов войны. Этим богам подражали в бою воины-берсерки – люди-медведи. Медведь является старинным символом у многих народов российской Сибири.

Дикая яблоня в повести Саина Муратбекова отсылает к библейскому мифу о грехопадении. Искуситель убедил Еву попробовать запретного плода, после чего первые люди были изгнаны из райских садов Эдема. В финале повести «грехопадение» завершается трагически:

«И все же Спатай решил достать эти уж очень соблазнительные яблоки и, не слушая нас, полез на верхушку дерева. Поначалу ему везло, ветви сгибались под ним, скрипели, но он благополучно взбирался все выше и выше. Вот уже яблоки оказались над самой его головой. Спатай издал победный клич, протянул к яблокам руку, и в этот момент обломился сук под его ногами. Это произошло так неожиданно и стремительно, что Спатай не успел даже крикнуть. Придя в себя, мы подбежали к нему, а он уже не дышал, лежал какой-то сплюснутый и мягкий, словно тряпичная кукла».

Тема наказания человека, покусившегося на сакральное, развивается и в финальном произведении сборника «На вершине Ушкара» в рассказе «Некий», логически заключающем книгу о трагических последствиях для протагониста охоты на кегликов, являющихся также древним оберегом тюрков. В произведениях Саина Муратбекова нашло отражение цельное, «биосферное» мышление, свободное от идеологий и основанное на мифологизированных казахских традициях почтительного отношения к сакральной природе.

